

ИДЕАЛЪ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ¹⁾.

I.

„Я—царь, я—рабъ, я—червь, я—Богъ“. Въ этомъ сильномъ стихѣ нашего поэта, въ чрезвычайно сжатой, но выразительной формѣ отлита сущность человѣческой личности, какъ она выразилась на пространствѣ ея многовѣковой исторіи. *Роститеся множитесь*, сказано было первому человѣку, при водвореніи его въ этотъ міръ, и эти слова, относящіяся какъ къ физической, такъ и духовной сторонѣ человѣка, стали программой, закономъ его жизни, какъ бы предрѣшая всю его исторію, предъизображая тотъ путь, какимъ она должна идти на основаніи началъ, заложенныхъ въ существѣ самой природы человѣка.

Какъ ни извилистъ и ни кривъ этотъ путь, мы тѣмъ не менѣе ясно можемъ видѣть, что въ человѣкѣ существуетъ непреодолимое стремленіе къ совершенству,—существуетъ съ того великаго творческаго акта, когда раздалось всесильное божественное слово: *сотворимъ человека по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Съ этого момента въ міръ физическомъ, дотогѣ управлявшемся только одними механическими силами, появилось существо, задачей дѣятельности котораго стало, съ одной стороны,—лично для себя—постепенно возвышаться до своего Первообраза, на сколько, разумѣется, это возможно для конечнаго, ограниченаго существа, а съ другой—налагать на все окружающее печать своей божественности.

¹⁾ Публичное богословское чтеніе, состоявшееся 29 марта сего года въ Москвѣ, въ залѣ Синодальнаго училища на Никитской

ственной личности, въ слѣпое, подчиненное законамъ необходимости созданіе вдохнуть *разумъ* и *свободу*. Вотъ откуда происходитъ ничѣмъ неистребимое въ человѣкѣ стремленіе къ совершенству, которое было, есть и будетъ единственнымъ основаніемъ его прогрессивной дѣятельности, опередившей и оставившей далеко позади себя всѣхъ остальныхъ существъ тварнаго міра. Послѣднія скоро и быстро достигаютъ полноты своего бытія, но зато эта полнота имѣетъ весьма ограниченный объемъ, предѣла котораго, какъ показываютъ и свидѣтельства опыта и исторіи, ни одна тварь перейти не можетъ.

Но человѣку, въ его настоящемъ состояніи, достигнуть полноты своего бытія не дано, такъ какъ это можетъ наступить только тогда, когда воспослѣдуетъ полное осуществленіе или реализація въ человѣкѣ того, образа Божія, по которому онъ созданъ. Поэтому человѣкъ не вдругъ, но постепенно восходя къ нравственному совершенству, можетъ достигать полноты своего бытія. И такое совершенствованіе должно простирается въ безконечность, насколько безконечна сущность самого Божества, по образу котораго сотворенъ человѣкъ.

Къ сожалѣнію, путь прогрессивнаго нравственнаго развитія, человѣка, какъ показываетъ исторія, шель не по прямой линіи: великими зигзагами, то уклоняясь направо или налѣво, то дѣлая задній ходъ, пятясь назадъ, шель человѣкъ къ достиженію той цѣли, которая заложена въ существѣ его природы.

Съ появленіемъ человѣка въ міръ даны *два* рода дѣятельности: дѣятельность *внѣшней* природы, съ ея слѣпыми силами, подчиненными механическимъ законамъ, и дѣятельность природы *внутренней*, скрывающейся въ невидимыхъ глубинахъ человѣческаго духа. По своей тѣлесной организаціи, человѣкъ тѣсно связанъ съ натуральною дѣятельностію, но по внутреннему своему существу, отражающему въ себѣ образъ и подобіе Божіе, онъ долженъ тяготѣть къ иному міру, иной дѣятельности. Задержки, уклоненія въ сторону, попятныя движенія въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка зависѣли отъ того, какъ онъ относился къ этой двоякой дѣятельности. Питаясь впечатлѣніями міра невидимаго, отвѣчая на запросы и стремленія

своего внутренняго существа, человѣкъ, по своей тѣсной связи съ внѣшнею дѣйствительностію, долженъ былъ одухотворять и эту послѣднюю; но онъ далеко не всегда слѣдовалъ этому своему высокому назначенію, ограничивая себя и живя впечатлѣніями одной внѣшней дѣйствительности.

Но какъ скоро человѣкъ ограничиваетъ поле своего зрѣнія однимъ только внѣшнимъ міромъ съ его пестротою явленій, не содержащихъ въ себѣ ничего прочнаго и постояннаго, какъ скоро онъ въ немъ одномъ видитъ задачу и цѣль своей жизнедѣятельности, то онъ приходитъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ: онъ постепенно вытравливаетъ въ себѣ всѣ истинно человѣческія особенности и спускаясь все ниже и ниже, погружается въ сферу простого зоологическаго бытія. Происходитъ полное опустошеніе того, что составляетъ истинное достоинство человѣка. Онъ самъ себя добровольно низводитъ въ разрядъ простыхъ естественныхъ явленій, самъ себя обезличиваетъ и становится рабомъ общихъ космическихъ силъ, слѣпо дѣйствующихъ по законамъ механики. Св. исторія представляетъ намъ печальную картину этого постепеннаго самонизведенія царя природы въ жалкое состояніе раба той же природы.

Въ началѣ это отрѣшеніе человѣка отъ высшей, духовной дѣйствительности вызвало въ немъ чувство сожалѣнія, раскаянія какъ это показываетъ исторія перваго представителя человѣчества, а потомъ духовное ослѣпленіе стало его постояннымъ, хроническимъ недугомъ, а дѣло дошло до того, что человѣкъ принципиально сталъ отрицать духовную сущность своей природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и реальное бытіе вообще сверхчувственнаго міра сталъ считать за произведеніе празднои мечты, досузей фантазій.

Матеріализмъ не есть достояніе только нашего времени. Еще одинъ изъ древнихъ священныхъ дѣписателей говорилъ, что уже и въ его время были люди, которые говорили: *самослучайно рождени есмы, и по семъ будемъ, якоже не бывше. понеже дымъ дыханіе въ ноздрехъ нашихъ, и слово искра еъ движеніи сердца нашего: ей же угасшей пепелъ будетъ тѣло. и духъ нашъ разліется яко мягкій воздухъ* (Прем. Сол. 2, 2—3). И такое направленіе, отрицающее дѣйствительное, самостоятельное бытіе духовнаго начала, тянется на всемъ протяженіи исторіи человѣка, начиная съ того момента, какъ

показался только первый проблескъ философствующаго ума, вплоть до послѣднихъ дней.

Не избѣгло этой болѣзни и наше отечество. Лѣтъ 20 тому назадъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ такъ изображаетъ современный ему недугъ отрицанія:

„Есть межъ нами душою увѣчные
„Есть и разумомъ тяжело болящiе,
„Есть глухiе, нѣмые, не зрящiе,
„Опoенные злыми отравами.....

.
„И такiе межъ насъ попадаются,
„Что леченiемъ всякимъ гнушаются,
„Они звона не терпятъ гусярнаго,
„Подавай имъ товара базарнаго!
„Все, что имъ не взвѣсить, не смѣрять,
„Все, кричатъ они, надо похѣрять!
„Только то, говорятъ, и дѣйствительно,
„Что для нашего тѣла чувствительно....

„И на этихъ людей,
„Государь Понтелей,
„Палки ты не жалѣй

Суковатыя“! (Гр. А. К. Толстой).

Мы не думаемъ, конечно, чтобы поэтъ, по своему направленiю, чрезвычайно гуманный, дѣйствительно въ серьезъ рекомендовалъ столь сильныя средства для подавленiя вредныхъ человѣческихъ убѣжденiй, и полагаемъ, что эта энергичная форма ему понадобилась только для болѣе рельефнаго выраженiя степени своего личнаго отрицательнаго отношенiя къ изображаемому имъ направленiю. Сами мы держимся того мнѣнiя, что долговѣчность и живучесть тѣхъ или иныхъ воззрѣнiй зависятъ отъ степени ихъ истинности или ложности, и что ложныя воззрѣнiя сами по себѣ по существу своему и по своимъ вреднымъ послѣдствiямъ носятъ уже зародышъ своей собственной недолговѣчности и смерти. Христіанская истина, напр., побѣдила міръ не только въ силу благодатной помощи, но и потому, что въ существѣ своемъ она есть *истина и жизнь*. Дерево узнается по плодамъ: по плодамъ узнаете ихъ, говорить Господь о способѣ разубавать,—истинные или ложные пророки приходятъ къ намъ. Поэтому и мы посмотримъ на результаты, какiе въ

духовной жизни человѣка производить матеріалистическія и другія, сродныя имъ, направленія.

II.

Обращая вниманіе на эту сторону дѣла, мы должны будемъ признать, что въ настоящій моментъ мыслящее чело-вѣчество переживаетъ состояніе, полное трагизма. Мысль человѣческая, блуждая изъ стороны въ сторону, измучилась, изстрадалась, избѣрилась въ саму себя и дошла до глубокаго скептицизма: нѣтъ ничего истиннаго, даже просто достовѣрнаго, что могло бы служить надежною точкою от-правленія для моей мысли и для моего поведенія. Мы живемъ въ мірѣ иллюзій, и весь міръ есть иллюзія и само мое мыслящее я съ своимъ самосознаніемъ есть иллюзія. Несомнѣнно истинно есть только абсолютное *ничто*, къ которому по этому и должны быть направлены всѣ наши помышле-нія. И вотъ, послѣ отрицанія высшей духовной дѣйствитель-ности, человѣкъ отвергъ и низшую, внѣшнюю. Глубокое от-чаяніе, разочарованіе, полнѣйшая безнадежность должна овладѣть мыслию современнаго человѣка. Дальше идти некуда; впереди ничего невидно; настоящее безотрадно; прошлое—полно разочарованій. Я позволю себѣ иллюстрировать свою мысль весьма характерными на мой взглядъ разсужденіями интеллигента, выведеннаго въ качествѣ героя одной повѣ-сти. Послѣ довольно продолжительной бесѣды о разныхъ серьезныхъ матеріяхъ герой повѣсти заключаетъ свою рѣчь слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Впрочемъ все это ужасно смѣшно и совсѣмъ, совсѣмъ неважно“.

— „Что же послѣ этого важно-то?“ спросилъ авторъ.

— „О, сколько важнаго, государь мой! Жить не стоитъ, вѣровать не во что,—вотъ что важно.“

— „Какъ? прервалъ я: а справедливость? прогрессъ? сво-бода?“

— „Прогрессъ? свобода? справедливость? Яркая мишура на гніющемъ трупѣ. Что такое этотъ вашъ прогрессъ досто-хвальный, и какія благодати можетъ дать вѣра въ него? Дать „для души“, какъ говорятъ мужики. Посмотримъ. Прог-рессъ есть безконечное, беспощадное, бессмысленное раздроб-леніе. По Спенсеру „дифференцированіе“. Такъ ли?“

— „Ну, положимъ.“

— „Раздробленіе въ фізіологическомъ организмѣ, раздробленіе въ общественномъ, раздробленіе въ наукѣ.... Тамъ и сямъ наилучше приспособленный организмъ торжествуетъ... Теперь посмотримъ, что же торжествуетъ такое? А торжествуетъ вездѣ и повсюду Кить Китычъ. Въ человѣкѣ—кулакъ, или, виновать,—функции, представляемыя княземъ Бисмаркомъ. Въ обществѣ—капиталь, представляемый Ротшильдомъ,—крѣпкая, безнравственная, хотя и лакированная сила. А въ наукѣ?... въ наукѣ, изволите ли видѣть, торжествуетъ анализъ, раздробившій каждую отрасль чуть не на тысячи вѣтвей и не соединившій ничего... Анализъ, подкопавшій всѣ золотыя мечты, разогнавшій эти мечты, какъ вѣтеръ разгоняетъ облака, истерзавшій ихъ какъ тряпки, никому и ни на что ненужныя. Анализъ, ушедшій въ мелочи, въ тонкости, въ детали, расплодившій массу кропотливыхъ познаній,—дремучій лѣсъ познаній, въ которыхъ въ пору заблудиться Аристотелю, если бы онъ имѣлъ наивность народиться въ наши времена.... Вотъ вашъ прогрессъ! Я первый вѣрю въ такой прогрессъ, но что же даетъ мнѣ эта вѣра? О, въ крайнемъ своемъ выраженіи она даетъ неутоимое желаніе разбить себѣ голову въ дребезги... А въ выраженіи среднемъ, приспособленномъ для нашего брата, средняго человѣка, она влагаетъ въ уста поэта жестокой стихъ: „живи, пока годишься и смерти жди!“...—пока годишься для тоски, для мученій, для терзаній, которымъ конца нѣтъ?...

— „А нравственные идеалы? Справедливость? — спросить я.

— „Какая? насмѣшливо спросилъ герой повѣсти; та ли, во имя которой феніи убиваютъ изъ за угла, или та, во имя которой этихъ феніевъ вѣшаютъ. Тутъ нужно разобраться, государь мой. У меня былъ знакомый — справедливѣйшій человѣкъ! а всѣ сосѣди величали его извергомъ, и тоже, пожалуй, по справедливости величали. „Все въ томъ, какъ понимать“, говорить у Доде одинъ изъ героевъ, и совершенно правду говорить. Что такое подлость, честь, зло, добро? Слова годныя для риѣмы. Размалеванныя декораціи.... Монеты, утратившія свою цѣнность отъ неумѣреннаго употребленія... И во всякомъ случаѣ туманныя пятна, не больше.— Вотъ тихвинскіе пейзаны колдунью сожгли. Какъ Вы полагаете,—не по справедливости они поступили? Въ томъ-то

и дѣло, что отвѣтить Вамъ не легко: съ одной стороны какъ будто и такъ, а съ другой вѣдь и въ самомъ дѣлѣ отъ колдуньи то имъ житья не было, точь въ точь какъ ирландскимъ мужикамъ отъ англійскихъ лендъ—лордовъ.

— „Случалось мнѣ и то слышать: то, молъ справедливо и нравственно, что содѣйствуетъ прогрессу. Правда, говорившіе это понимали прогрессъ въ романтическомъ смыслѣ, прибавляли къ нему слово „сознательный“, радили его въ перья „райской птицы“... Ну, ладно. А вотъ Марксъ,—тоже въ своемъ родѣ человѣкъ изъ „райскихъ птицъ“, — говорить, что каждому обществу, прежде чѣмъ до благополучнаго синтеза дойти, до знаменитаго „обобществленія труда“, нужно томительную „антитезу“ на своихъ плечахъ вынести. Нужно, напр., рабочему воспитаться въ ежовыхъ рукавицахъ капиталиста, и тогда уже собственный огорождъ городить: и въ этомъ-де прогрессъ и есть. Ладно. Какъ же, ежели я буду этой самой „антитезѣ“ содѣйствовать, вмѣстѣ съ капиталистомъ на народной спинѣ верхомъ ѣздить (единственно изъ за того, чтобы „райская птица“ скорѣй прилетѣла), то какъ это будетъ: нравственно, или безнравственно, справедливо или несправедливо? Вѣдь я какъ ни какъ этой моей верховой ѣздой прогрессу содѣйствую? Двигаю его, этотъ пресловутый прогрессъ.

— „Тутъ-то не можетъ быть сомнѣній, сказалъ я,—отвѣтственность развитого человѣка предъ народомъ ясна. Онъ обязанъ служить народу непосредственно, игнорируя всякія „антитезы“: Это ужъ установлено твердо. Народъ своими усиліями вынесъ васъ на вершину, и вы обязаны ему по силѣ возможности долгъ возвратить.

— „Вотъ какъ-съ!... Превосходно! Въ высшей даже степени превосходно!.. Государь мой! Вѣдь съ этой-то вершины Манфредъ пытался броситься въ пропасть. Я вѣдь съ достаточною внимательностію проштудировалъ „письма-то историческія“, и надъ четвертымъ письмомъ (помните: „дѣна прогресса?“)—даже всплакнулъ въ свое время. До такой степени чувствовать себя виноватымъ и сознавалъ свое безсиліе отдать „долгъ“, который цѣлыми вѣками яко бы громоздился на мои плечи. Но теперь я вотъ что думаю: да кто же васъ просилъ, голубчики, въ долгъ-то мнѣ давать? Никто вѣдь не просилъ... Правда, я за вашъ счетъ читаю

Спенсера; упиваюсь Марксомъ, вотъ недавно увлекательнаго Ланге одолѣлъ... За вашъ счетъ слушаю оперу, пошу этотъ сюртучишко, намени вотъ отъ Рауля дюжину мадеры выписалъ... Но вмѣстѣ съ этимъ я Достоевскаго выносилъ на своихъ нервахъ. Пилилъ онъ меня, пилилъ... „Послѣдній день приговореннаго къ смерти“ читалъ и плакалъ... Надъ Байрономъ разрывался... Въ заботахъ о судьбахъ мужика чуть до „одиннадцатой“ версты не дошелъ... Это-то что же? Что же это такое, что я безъ мучительнаго содроганія шопеновскіе полонезы слушать не могу, а „кредиторъ-то“ мой въ простотѣ душевной эту же музыку „свиннымъ плачемъ“ называетъ... У меня душа надрывается надъ пейзажемъ, гдѣ паутинные мои нервы провидятъ трагическую суть, а „кредиторъ“ глазѣтъ на этотъ пейзажъ, ковыряя пальцемъ въ носу, да сайку жуесть.... Что же это такое? Проценты что ли за долгъ? Да прежде чѣмъ долгъ-то давать, спросили бы меня, согласенъ ли я его брать и проценты жидовскіе платить, сумму томленій невыносимыхъ вмѣщать въ своемъ воображеніи? Не удобнѣй ли мнѣ Тихвинскую колдунью жечь, да конокрада забивать на смерть, да молить „батюшку Царьградъ“, чтобы града не было... А то странное дѣло! попортили человѣка, научили болѣть горестями „Бѣдной Лизы“, изловчились Достоевскимъ до истерики доводить, и вдругъ вмѣсто всего этого—долгъ! Помилуйте, да за что-же съ?

— „А свобода! продолжалъ онъ: Стыдно говорить о ней. Вотъ ужъ истасканная блудница-то? Гдѣ эти блага, которыя она сулитъ вотъ сколько ужъ вѣковъ? Кто ихъ видѣлъ? А кто испыталъ, тотъ знаетъ, что это за ягода... Есть у графа Толстого одно мѣстечко въ „Войнѣ и Мирѣ“. Тамъ офицеръ Ростовъ изъ распущеннаго и ужъ совершенно „свободнаго“ барскаго общества возвращается въ полкъ. Въ полку, сами знаете, все предрѣшено, все приковано, все поставлено на рельсы и катись по нимъ,—однимъ словомъ безшабашнѣйшая дисциплина! Апоеозъ всякой зависимости!—и что же, вы думаете, пожалѣлъ Ростовъ о домашней свободѣ? Нѣтъ-съ, онъ словно встряхнулся, словно ощутилъ свѣжесть среди безобразнѣйшаго іюльскаго зноя,—онъ зналъ, что путь его въ полку обозначенъ ясными вѣхами, — и ему было необыкновенно легко. Вы скажете,—Ростовъ—тряпка? Человѣкъ растрепанный, расплывчатый, однимъ словомъ гусарскій рот-

мистръ, и ничего болѣе?.. Да сообразите же, не будь въ человѣкѣ этого наслажденія въ подвластїи, этого упорнаго исканія узды, если хотите,—многое давно сдѣлалось бы анахронизмами. Повѣрьте! вся исторія только въ томъ и состоитъ, что люди отвѣдавши одной палки, бѣгутъ сами искать другую,—извѣдавши Бурбоновъ, запрягаются въ ярмо конвента, испробовавъ конвента, протягиваютъ шею Бонапарту... Что же это,—періодъ фетишей, скажете? Нѣтъ, государь мой, это не фетиши, а исконная потребность естества, вложенная туда вмѣстѣ съ другими подлѣйшими потребностями насмѣшницей природой. Ахъ, еслибы было иначе! Если бы устранить, вытравить эту потребность, выдернуть ее какъ сорную траву! Впрочемъ достаточно остается другихъ, чтобы омерзить наше малое существованіе,—прибавилъ онъ мрачно.

— „Но что же остается?“ прервалъ авторъ героя повѣсти.

— „Жить, пока годишься, и ждать смерти, усмѣхаясь, сказалъ онъ.

— „Какъ же жить?

— „Какъ лапухъ живетъ.

— „Но что же дѣлать, дѣлать-то что?

— „Ощущать нѣгу своего существованія.

— „Какъ ощущаетъ кошка, когда грѣется на лежанкѣ?

— „Именно, какъ кошка.

— „Хорошъ выводъ.

— „За то старинный. Въ экклезіастѣ еще сказано: все суета суетъ.

— „Паталогія!

— „Неизбѣжная на той вершинѣ, гдѣ стынетъ кровь. А кто изъ крупныхъ людей, начиная съ Соломона, не побывалъ на этой вершинѣ и—что курьезнѣе всего—всякій бываетъ выпираемъ въ высь усиліями народа. Однихъ русскихъ припомните — сколько. Вспомните Лермонтова, Тургенева, Льва Толстого.... Да что я считаю, — конца имъ нѣтъ.

— „Но эти люди находили силы и для жизни.

— „Да, когда снисходило на нихъ „забвеніе“, о которомъ такъ страстно молилъ Лермонтовъ“. (Вѣстн. Европ. 1884 г. № III).

Я, быть можетъ, злоупотребилъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ,

вниманіемъ достопочтеннаго собранія этой длинной выдержкой; но она показалась мнѣ очень характерной и весьма выпуклыми чертами обрисовывающей мысленастроение нынѣшняго „интеллигента“. представляющаго собою квинтъ-эссенцію нашего современнаго общества.

III.

Къ такому ужасному скептицизму приводятъ данныя нынѣшней науки, когда человѣкъ ограничивается только ею одною. Но этотъ скептицизмъ, эта безнадежность, будучи достояніемъ разсудочнаго анализа, часто только и остаются одною теоріей. Не всѣ даже интеллигенты способны подняться на такія высоты мысли, „гдѣ, по выраженію нашего героя, стынеть кровь“. Огромное же большинство живетъ, не задаваясь такими головокружительными вопросами. Та „зоологическая“ правда жизни, къ которой герой повѣсти пришелъ путемъ мучительной работы мысли, это большинство принимаетъ какъ естественное достояніе, какъ необходимое слѣдствіе ограниченія себя интересами видимой дѣйствительности. Практическая дѣятельность такого разряда людей направлена главнымъ образомъ къ добыванію себѣ „куска хлѣба“. Напряженна бываетъ подобная дѣятельность, и тѣмъ не менѣе она, не будучи оплодотворена бывшими интересами и цѣлями, не имѣетъ и особаго нравственнаго характера и сама по себѣ лишена бываетъ особою плодотворности. Всякое дѣло, всякая работа, не одушевляемая какими либо высшими принципами и производимая только изъ за куска насущнаго хлѣба, лишена бываетъ *творчества*, того зиждительнаго начала, которое бы ее дѣлало плодотворной и самого дѣятеля возводила на степень господина работы. Лишенная этихъ жизненныхъ условій работа обращается въ подневольный, механический, мертвый, шаблонный трудъ, который является самымъ вѣрнымъ показателемъ всякаго застоя. Есть трудъ свободный, возвышающій личность человѣка, но есть трудъ подневольный, египетскій принижаящій и убивающій личность.

Но дѣятельность только изъ за куска хлѣба, если и не особенно возвышеннаго характера, то все же и не возбуждаетъ противъ себя особенныхъ упрековъ. Тутъ по крайней

мѣръ дѣйствуютъ во имя неистребимаго естественнаго закона, по которому *никтоже когда плоть свою возненавидѣ, не питаетъ и грѣетъ ю.*

О хлѣбѣ насущномъ и о всемъ, что подъ нимъ разумѣется, заповѣдалъ молиться и Христосъ въ своей молитвѣ и слѣдовательно включилъ это въ кругъ предметовъ необходимыхъ человѣку. Дѣло принимаетъ гораздо худшій оборотъ, когда тотъ же законъ обнаруживаетъ свою силу не въ этой своей примитивной формѣ, по въ проявленіяхъ своего дальнѣйшаго развитія. Желаютъ не только ѣсть, но ѣсть сладко и изысканно; одѣваться не только прилично, но и пышно; жить не только въ простой, теплой и удобной обстановкѣ, но и въ великолѣпныхъ чертогахъ, со всею роскошью современной культуры. Разгораются аппетиты, принимающіе самыя грандіозныя размѣры, удовлетвореніе которымъ стремятся обезпечить не только въ настоящемъ, но и будущемъ. Но для того, чтобы удовлетворить этимъ аппетитамъ, нужны богатство и власть. И вотъ—идолы нашего времени, которымъ не скупятся приносить всякаго рода жертвы, лишь бы завоевать себѣ хотя какой нибудь уголокъ по близости капища этихъ боговъ и попасть въ число ихъ жрецовъ. Не щадятъ никакихъ усилій, не брезгаютъ никакими средствами, не дорожатъ никакою святынею, готовы, бывають торговать своими убѣжденіями, исковеркать свое внутреннее существо изнасиловать себя до послѣдней крайности, облечь себя въ какую угодно одежду, лишь бы только присмолиться къ капищу современнаго Молоха. „Карьеризмъ“ — вотъ болѣзнь нашего вѣка, принявшая чуть не повальный характеръ, изсушающая *внушренняго* человѣка, подъ убійственнымъ дѣйствіемъ которой вянуть всякіе высшіе идеалы большинства современнаго люда. Отцы иногда прямо рекомендуютъ своимъ дѣтямъ, что единственное, къ чему они должны стремиться,—это наилучшее устройство нашей жизни: блестящая карьера, видное положеніе въ обществѣ, важный чинъ. „Не мудрствуйте лукаво и не занимайтесь разрѣшеніемъ отвлеченныхъ вопросовъ, говорятъ часто отцы дѣтямъ, — начнете съ философіи, кончите нигилизмомъ и пропадаете. Будьте практичны, приучайтесь умѣть жить и брать отъ жизни все удобства и радости, какія она дать можетъ“. Но чтобы развить въ дѣтяхъ честность, любовь къ правдѣ и

добрѣ,—этому въ дѣлѣ воспитанія отводится самое ничтожное и второстепенное мѣстечко, такъ какъ это считается непрактичнымъ: „съ правдой и честностію далеко не уѣдешь“, слышится обычный говоръ въ нашемъ обществѣ. И въ этомъ направленіи дѣло идетъ успѣшно: „карьеризмъ“ проникаетъ въ такія области, гдѣ существованіе этого грязнаго элемента особенно оскорбительно для сколько нибудь неиспорченнаго, нравственнаго чувства. Такъ нынѣ часто и саму религію употребляютъ какъ средство для достиженія своихъ нечистоплотныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. „Вѣра Христова, говоритъ однажды одинъ новонареченный епископъ, до такой степени теряетъ свое живое значеніе въ сердцахъ ея исповѣдниковъ, что ее стараются обходить, игнорировать, или—что еще хуже—ее стараются прикрыться для достиженія цѣлей, ничего общаго съ нею не имѣющихъ. Совѣсть человѣческая до такой степени становится эластичною, сговорчивою, что часто съ замѣчательною тонкостію умѣетъ примирить принципы, убѣжденія и дѣйствія, по видимому, совершенно непримиримыя. Духъ міра, духъ—эгоизма, вражды интриги — широкою волною вторгается въ ограду церкви. Жизнь въ такія эпохи представляется намъ сумерками, когда идешь ощупью, не ясно различаешь лица и предметы, встрѣчающіеся на пути, не знаешь, кто другъ и союзникъ, кто противникъ и врагъ, кто поборникъ истинныхъ интересовъ церкви, кто современный, болѣе цивилизованный и искусный Іуда—предатель“ (Правосл. Обзор. 1887 г. май—іюнь). Такимъ образомъ карьеризмъ, будучи и самъ по себѣ отвратительнѣйшимъ явленіемъ нашего времени, производитъ изъ нѣдръ своихъ еще болѣе отвратительное чадѣ. Это ложное благочестіе, лицемеріе и фарисейство. Не много лѣтъ назадъ тому хроникеръ даже одного свѣтскаго журнала, характеризуя современное ему общественное направленіе, выражается слѣдующимъ образомъ: „перемѣнился мундиръ, а люди, носящіе его, остались тѣже. Въмѣсто либеральнаго мундира, надѣтъ консервативный мундиръ, потому что носить его стало выгоднѣе, вотъ и все, вотъ въ чемъ и простое объясненіе факта, что вчерашніе либералы оказываются сего дня консерваторами, что вчерашніе матеріалисты сегодня, уже имѣя очи горѣ, говорятъ „о путяхъ провидѣнія, что вчерашніе „либръ-пансеры“ сегодня выслушиваютъ „молеб-

ствіе съ колѣноприклоненіемъ“. Эта характеристика сохраняетъ все свое значеніе и до настоящаго времени, особенно когда Высшая Власть, глубоко понимая современное, безпринципное направленіе общества и происходящее отсюда нравственное его разложеніе, стремится уврачевать недуги путемъ средствъ, направленныхъ къ усиленію и возвышенію въ общественномъ сознаніи религіозныхъ понятій. Но когда „карьеризмъ“ проникаетъ въ это „святое святыхъ“, то общественное разложеніе доходитъ до своего кульминаціоннаго пункта,—„ужасенъ, говорятъ, порокъ, но есть нѣчто еще болѣе ужасное,—это ложная добродѣтель“.

IV.

Мы самыми краткими чертами изобразили блужденіе человѣчества, добровольно отвратившаго свой взоръ отъ высшей духовной дѣйствительности и лишившаго себя ея впечатлѣній. Мы видѣли, что одна часть его дошла до отчаяннаго скептицизма, потерявши вѣру въ существованіе всего, что составляетъ самое дорогое наслѣдіе человѣка: вѣру въ прогрессъ, правду, нравственные идеалы, и пришла къ убѣжденію, что нѣтъ на землѣ ничего истинно-цѣннаго, чѣмъ-бы можно было дорожить, къ чему бы нужно было стремиться. Дѣло кончается самымъ отчаяннымъ теоретическимъ *нигилизмомъ*, который въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ ведетъ или къ самоубійству, или къ жизни, основанной по „зоологической правдѣ“, довольствующейся существованіемъ, подобнымъ „прозябанію мапуха“. Другая часть безъ внутренней ломки и безъ логическаго анализа довольствуется той же примитивной формой существованія и посылно отдастъ себя на волю всякихъ случайностей, довольствуясь обезпеченіемъ себѣ куска хлѣба. Третья часть, — сознательно построитъ жизнь на началахъ грубаго эгоизма и, стремясь достигнуть наибольшаго земнаго благополучія, пускаетъ въ ходъ, какъ мы видѣли, всякія иногда самыя не позволенные средства.

Жизнь человѣка, построенная на такихъ началахъ, не представляетъ отраднаго, утѣшительнаго зрѣлища. Правда, благодаря усиленнымъ стремленіямъ человѣка достигнуть наибольшаго, земнаго благополучія, послѣднее время озна-

меновались самыми поразительными открытіями и изобрѣтеніями въ области прикладныхъ наукъ, такъ что человѣкъ конца XIX вѣка можетъ, повидимому, по праву сознать себя царемъ природы, обратившемъ послѣднюю въ свою послушную рабу и вмѣстѣ достигшемъ такой степени культурности, какая и не грезилась нашимъ предкамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ таже природа—эта послушная раба человѣка—нѣтъ—нѣтъ—да и подарить своего царя такими неожиданностями, предъ которыми онъ, не смотря на всѣ свои открытія и изобрѣтенія, невольно становится втупикъ. На сѣверѣ происходитъ небывалое тепло, а на югѣ настаетъ неожиданный холодъ; на сѣверѣ льетъ дождь, а на югѣ въ это-же время происходитъ снѣжная мятель и вьюга. Лѣтомъ бываетъ неожиданная стужа, а въ тотъ періодъ времени, когда по географическому и астрономическому росписанію должно быть зимѣ,—стоитъ непозволительное тепло. И какъ разъ нынѣшній годъ Московскіе фельетонисты острили на свой ладъ, что у насъ украли зиму. Какъ будто самые законы природы, съ именемъ которыхъ мы привыкли соединять понятіе непреложности и неизмѣнности, утратили свою правильность, а природа стала отказывать человѣку въ своей прежней производительности. Человѣчество посѣщаютъ то небывалыя засухи, то слишкомъ продолжительные дожди. А землетресенія? не предвидѣнныя эпидеміи? голодовки? и пр. и пр. Какъ видно, природа далеко еще не хочетъ быть послушной рабой своему царю и подчасъ зло смѣется надъ своимъ владыкой и повелителемъ и далеко не прочь отъ времени до времени побунтовать противъ него.

Что же касается высокой культурности человѣка XIX вѣка, то и она подлежитъ очень большимъ ограниченіямъ. Стоитъ напр., вспомнить, что подчасъ бываетъ за послѣднее время въ австрійскихъ и французскихъ парламентахъ среди депутатовъ, представляющихъ собою цвѣтъ націи, являющихся якобы представителями умственныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ доблестей и стоящихъ на высотѣ культурныхъ требованій,—стоитъ, говоримъ мы, припомнить, какими примитивными некультурными средствами эти якобы высшіе носители культуры стараются защитить правоту своихъ взглядовъ и убѣжденій и распространить ихъ между другими, чтобы придти къ убѣжденію, что и до сего времени, нака-

нунѣ XX столѣтія, человѣкъ далеко не освободился отъ своихъ дикихъ привычекъ, свойственныхъ самымъ некультурнымъ представителямъ человѣческой расы. Мы не будемъ говорить уже о болѣе низкихъ слояхъ общества, гдѣ всегда въ той или иной формѣ готовъ проявиться гнѣздящійся въ человѣкѣ звѣрь съ незамаскированнымъ поползновеніемъ растерзать когтями своего ближняго. Припомнимъ только бой пѣтуховъ и быковъ, нашего доморощенного „Петрушку-забіяку“, крайне не художественныя представленія въ циркахъ, до минимума принижающія человѣческое достоинство и рассчитанныя на возбужденіе нечистоплотныхъ инстинктовъ въ зрителяхъ,—и мы должны будемъ придти къ неутѣшительному сознанію, что культурность въ концѣ нашего прославленнаго вѣка можетъ возбуждать противъ себя много сомнѣній, такъ, какъ она далеко не всегда предохраняетъ человѣка отъ проявленія самыхъ дикихъ нравовъ. — Существуетъ по отношенію къ русскому человѣку афоризмъ, пользующійся значительною распространенностію: „поскобли, говорятъ, немного, русскаго, и изъ него сейчасъ покажется татаринъ“. Мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать нѣкоторую маленькую передѣлку этого афоризма: „поскобли, скажемъ мы, немного современнаго культурнаго европейца,—и изъ него покажется дикарь во всей своей неприглядной формѣ“.

Итакъ, блестящіе успѣхи прикладныхъ наукъ и дошедшая до высокой степени культурность современнаго человѣка не могутъ говорить ни въ пользу, того, что онъ есть царь природы, дѣйствительно приведшій послѣднюю въ свое послушаніе, ни за то, что наша прославленная культурность можетъ выдерживать не только строгую, но и болѣе или менѣе снисходительную критику. Нѣтъ слова, человѣчество пообчистилось, попригладилося, попримазалося, попркрыло свою наготу болѣе приличною одеждою, улучшило свою внѣшнюю обстановку, облегчило себѣ добываніе насущнаго хлѣба и способы передвиженія и пр. и пр., но все это касается главнымъ образомъ *внѣшняго* благоустройства; во *внутреннемъ* же человѣкѣ доселѣ еще живетъ „звѣрь неукротимый“, котораго не могли вытравить ни науки, ни искусства. Ясно поэтому, что, если въ человѣчествѣ и замѣтенъ прогрессъ сравнительно съ прежнимъ его состояніемъ, если человѣкъ и можетъ похвалиться разнаго рода усовершенствованіями формъ

своего бытія, то все же мы должны сознаться, что этотъ прогрессъ и эти усовершенствованія страдаютъ односторонностію и далеко не захватываютъ всѣхъ сторонъ жизни чело-вѣка.

V.

Чтобы быть полнымъ и всестороннимъ, прогрессъ долженъ отвѣчать всѣмъ потребностямъ нашей души, а между этими послѣдними есть такія, которыя зовутъ въ иной міръ, говорятъ о другой дѣйствительности, подъ призмю которыхъ и самый внѣшній міръ получаетъ иное освѣщеніе:

„Все, что чисто и достойно,
 „Что на землѣ сложилось стройно,
 „Для челоуѣка,—то уже-ль,
 „Въ тревогѣ вѣчной мірозданія
 „Есть грань высокаго призванія
 „И окончательная цѣль?
 „Нѣтъ, въ каждомъ шорохѣ растенія
 „И въ каждомъ трепетѣ листа
 „Иное слышится значенье
 „Видна иная красота!
 „Я въ никъ иному гласу внемлю,
 „И жизнью смертною дыша,
 „Гляжу съ любовію на землю
 „Но выше просится душа;
 „И что ее, всегда чаруя,
 „Зоветь и манитъ вдалекѣ,
 „О томъ повѣдать не могу я
 „На ежедневномъ языкѣ (А. К. Толстой).

Но не однимъ поэтамъ,—и обыкновеннымъ смертнымъ, если только ихъ умъ и сердце не совсѣмъ еще погрязли въ матеріальной дѣйствительности, свойственно чувствовать, что эта послѣдняя, какъ бы ни казалась намъ совершенною, никогда не можетъ удовлетворить высшимъ запросамъ нашего духа, что она никогда не представляетъ собою того высшаго совершенства, которое рисуется ей хотя бы въ смутныхъ образахъ. Мы не бываемъ довольны тѣмъ, что *есть*,—мы хотимъ того, что *должно* быть. Эта неудовлетворенность видимою дѣйствительностію ясно говоритъ за то, что нашей душѣ

свойственно нѣчто такое, что возвышетъ насъ надъ окружающимъ міромъ и заставляетъ насъ на все, происходящее въ немъ, смотрѣть съ нѣкоторой высшей точки зрѣнія. И эта потребность нашей души, это стремленіе къ идеальному не фиктивно, и на столько не фиктивно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ вѣритъ исключительно только въ самодовлѣющее начало матеріальнаго бытія, когда оно для него остается альфой и омегой его жизни и дѣятельности, онъ продолжаетъ искать удовлетворенія своимъ идеальнымъ стремленіямъ къ совершенству, но только это совершенство принимаетъ тутъ уже вполне обратный характеръ,—это, если можно такъ выразиться, будетъ совершенствомъ во злѣ. Въ этомъ случаѣ человѣкъ высшее совершенство видитъ въ признаніи за нимъ безграничной свободы въ удовлетвореніи всѣхъ его стремленій безъ различія—высшихъ и низшихъ, человѣческихъ и животныхъ, законныхъ и незаконныхъ, открывая такимъ образомъ широкую дверь къ безграничному произволу, къ нравственному и физическому цинизму. Въ новѣйшее время это именно и рекомендуетъ философія Ницше съ ея „сверхчеловѣкомъ“, который потому и возводится на такой пьедесталъ, что стоитъ выше всякихъ преградъ, налагаемыхъ на обыкновеннаго человѣка законами нравственнаго порядка и стѣсняющихъ, по мнѣнію философа, свободное проявленіе личности. Поэтому мы видимъ, что человѣкъ, стоя въ сферѣ своей дѣятельности на почвѣ той же внѣшней дѣйствительности не можетъ довольствоваться тѣми предѣлами, какіе налагаетъ на него матеріальная природа и которыми строго опредѣлена, напр., жизнь животныхъ. Послѣдніе не могутъ переступить извѣстныхъ границъ; для человѣка же никакихъ преградъ не существуетъ. Тѣхъ омерзительныхъ явленій ужаснаго разврата и распушенности, съ которыми къ позору человечества мы встрѣчаемся въ его исторіи, мы не найдемъ въ исторіи животныхъ. Да, приходится придти къ невѣроятному выводу, что для того, чтобы воспитать въ себѣ напр., „карамазовщину“, нужно быть человѣкомъ, съ его стремленіемъ къ совершенству, съ его неудержимыми и безпредѣльными порывами къ чему-то. Но когда эти порывы и стремленія ищутъ своего примѣненія только въ наличной дѣйствительности, то въ концѣ концовъ они могутъ принимать

формы такого нравственнаго безобразія, съ которыми никакъ не можетъ мириться наше нравственное чувство, если только оно нормально и обрѣтается въ добромъ здоровѣ. А такъ какъ условное и ограниченное никогда не можетъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворить порывовъ къ безусловному и неограниченному, то естественнымъ слѣдствіемъ этого и является то разочарованіе, то пессимистическое направленіе, которое, какъ показываетъ исторія, отъ времени до времени въ той или иной формѣ овладѣваетъ мятущимся человѣчествомъ. „Майя“ индусовъ, „суета суетъ“ Соломона, философія Шоппенгауера и Гартмана новѣйшаго времени,— все это вопли отчаянія, которые говорятъ о несбывшихся надеждахъ найти успокоеніе въ предметахъ видимаго міра, утолить жажду изъ его мутныхъ источниковъ. Значить долженъ быть иной міръ съ иными законами, — міръ, который бы давалъ успокоеніе нашему тревожному духу, и дѣйствительное существованіе котораго внушаетъ человѣку недовольство окружающею его дѣйствительностію, повелительно заставляя его относиться къ ней, какъ къ чему-то *недолжному*. Не будь этого міра,—и человѣкъ среди другихъ существъ явится нѣкотораго рода аномаліей, неразрѣшимой загадкой, непосильной для своего разрѣшенія никакому мудрецу.

VI.

Но гдѣ искать и гдѣ мы можемъ найти этотъ иной міръ съ иными законами и порядками?

„Познай самого себя“, говоритъ древній мудрецъ; „царствіе Божіе внутри васъ есть“, говоритъ нашъ Божественный Учитель. Вотъ путь, который ведетъ насъ къ открытію искомаго міра.—Его начало скрывается въ нашемъ *самопознаніи*. Путемъ углубленія въ самихъ себя, путемъ наблюденія надъ жизнію своихъ ближнихъ, какъ она проявляется въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, какъ она раскрывается на великомъ пространствѣ прошлыхъ вѣковъ въ историческихъ судьбахъ народовъ, мы должны будемъ придти къ мысли, что душа человѣка, по самому существу своему, не можетъ быть поставлена въ одинъ разрядъ съ космическими силами матеріальной природы, что она полна такого содержа-

нія, которое рѣзко отличается отъ явленій міра физическаго и даже постоянно находится въ совершенномъ съ нѣмъ противорѣчіи, что она движется такими побужденіями, исполнена такихъ стремленій, которыя несравненно возвышаютъ ее надъ всѣмъ [тварнымъ] міромъ. Не всѣ способны къ этому внутреннему самоанализу, не всѣмъ по силамъ эта сложная работа духа, но для тѣхъ, кто способенъ проникнуть въ эту таинственную область бытія, становится ясно, что наше я носить въ себѣ слѣды высшаго происхожденія, что содержаніе его есть отзвукъ инаго высшаго міра, что и обставленное всѣми повидному благами и прелестями этого міра, оно часто мятется и томится, не находя здѣсь живой воды и хлѣба жизни. Извѣстно всѣмъ прекрасное, полное глубокаго смысла, стихотвореніе нашего поэта, въ прекрасной поэтической формѣ объясняющее намъ сущность и происхожденіе таящихся въ насъ высшихъ запросовъ нашего духа:

„По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
 „И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
 „И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
 „Внимали той пѣсни святой.
 „Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
 „Подъ кущами райскихъ садовъ,
 „О Богъ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
 „Его непритворна была.
 „Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
 „Для міра печали и слезъ,
 „И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
 „Остался безъ словъ, но живой.
 „И долго на свѣтѣ томилась она,
 „Желаніемъ чуднымъ полна,
 „И звуковъ небесъ замѣнить не могли
 „Ей скучныя пѣсни земли.

Конечно, все это вызоветъ улыбку у чистокровнаго послѣдователя позитивной философіи. „Живая вода“, „хлѣбъ жизни“, „отзвуки инаго высшаго міра“, — какимъ все это, съ его точки зрѣнія отзывается фантастическимъ, сказочнымъ характеромъ!?—Пускай! Но и представитель этой философіи не можетъ отрицать постоянного недовольства человѣка на личную дѣйствительностію, его исканія чего-то лучшаго,

даже полнаго отрицанія этой дѣйствительности во имя какихъ-то высшихъ началъ. Откуда это недовольство, этотъ бунтъ противъ наличной дѣйствительности? Животныя не бунтуютъ; среди нихъ не происходитъ революцій,—почему? Потому что у нихъ нѣтъ никакихъ высшихъ запросовъ, нѣтъ никакихъ внутреннихъ побужденій выйти изъ того круга дѣятельности, въ какой они поставлены были общимъ порядкомъ вещей. Человѣкъ—не то,—его исторія есть исторія постоянного недовольства формами своего бытія. Это значитъ, что въ душѣ человѣка есть высшая мѣрка, высшая дѣйствительность,—подъ угломъ зрѣнія которой онъ производитъ оцѣнку всего окружающаго,—что, словомъ, въ немъ живутъ *идеалы*, представляющіе собою тотъ иной міръ, въ которомъ человѣкъ только и можетъ найти удовлетвореніе высшимъ стремленіемъ своего духа. Правда позитивисты, эволюціонисты et tutti quanti усиливается объяснить происхожденіе! въ немъ и самыхъ этихъ идеаловъ опытнымъ путемъ, естественными причинами: и слѣд. считаютъ ихъ произведеніемъ той-же виѣшней дѣйствительности: но идеалы даютъ намъ понятіе не просто о совершенствѣ, но объ абсолютномъ, безусловномъ совершенствѣ. Откуда это понятіе въ человѣкѣ, если по признанію самихъ философовъ этого направленія въ мірѣ явленій все условно, относительно? Условное и относительное не можетъ быть причиною безусловнаго и абсолютнаго. Образъ Божій, данный человѣку при самомъ актѣ его творенія,—вотъ единственная причина существованія въ насъ идеаловъ.

Изъ всего предъидущаго ясно, что подъ именемъ послѣднихъ нужно разумѣть представленіе высшаго совершенства, какое мы имѣемъ по отношенію ко всякаго рода предметамъ, всякаго рода дѣятельности. Это-то присущее нашему духу представленіе и побуждаетъ насъ относиться къ существующей дѣйствительности, какъ къ чему-то *недолжному*, что слѣдуетъ измѣнить, преобразовать, сообразно предно-сящемуся нашему уму первообразу, или—идеалу. Поэтому идеаловъ можетъ быть столько, сколько существуетъ въ природѣ предметовъ и дѣятельностей; каждый предметъ, каждое направленіе и родъ дѣятельности имѣетъ свой идеалъ въ сознаніи человѣка. Само собою понятно, что въ данномъ случаѣ разумѣется дѣятельность человѣка не отрицатель-

наго, но положительнаго характера, такъ какъ перваго рода дѣятельность есть отрицаніе совершенства и слѣдовательно разрушеніе всякихъ идеаловъ, хотя на обыденномъ языкѣ и встрѣчаются выраженія: идеаль скупца, идеаль зла и т. под.

Принято все это великое разнообразіе идеаловъ сводить и объединять въ три главные вида: идеаль *истины*, *добра* и *красоты*,—дѣленіе, имѣющее основаніе въ дѣйствительныхъ расположеніяхъ и направленіяхъ дѣятельности человѣческаго духа и соотвѣтствующее тремъ его основнымъ способностямъ. Во имя идеала *истины* человѣкъ стремится познать весь міръ въ его цѣломъ и всякій предметъ, всякое явленіе въ отдѣльности, достигнуть такого пониманія о всемъ происходящемъ и въ немъ самомъ (человѣкѣ) и внѣ его, которое бы соотвѣтствовало дѣйствительному положенію дѣла. Исторія человѣка есть исторія удачныхъ и неудачныхъ попытокъ человѣческаго ума уловить причинную связь міровыхъ явленій, проникнуть въ то, что скрыто за этими явленіями и разгадать начало и цѣль всего существующаго. Постоянныя пораженія терпѣть и терпѣть на этомъ пути человѣкъ, въ безысходныя противорѣчія, ошибки и заблужденія впадалъ онъ, но это только будило его энергію, усиливало пытливость его ума и влекло его, не смотря на всѣ препятствія, идти все дальше, искать и пролагать новые пути къ достиженію истины. Неудачи не пугаютъ человѣка, но какъ будто усиливаютъ въ немъ внутренній огонь и заставляютъ его разгораться яркимъ пламенемъ.

Многихъ уже смѣльчаковъ заморозилъ сѣверный полюсъ и однако же и до сихъ поръ не охладилъ въ человѣкѣ горячаго желанія проникнуть въ эту таинственную область. Но не смотря на эти неудачи, человѣкъ, хотя медленными и далеко не прямыми путями, но все больше и больше расширяетъ поле своего умственного зрѣнія и ознаменовываетъ свое поступательное шествіе такими открытіями, которыя справедливо могутъ считаться гордостью нашего XIX вѣка.

Идеаль *добра*, предносящійся умственному взору человѣка, побуждаетъ его воплощать этотъ идеаль и въ своей собственной дѣятельности и содѣйствовать его воплощенію во всей окружающей его дѣйствительности. Шествіе и по этому пути далеко не было для человѣка побѣдоноснымъ. Справедли-

вость напротивъ требуетъ признать, что и тутъ онъ терпѣлъ постоянныя пораженія, что его благородные порывы въ дѣлѣ проведенія въ жизнь идеаловъ добра всегда встрѣчали серьезныя препятствія, какія представляетъ ему и его собственная природа съ ея эгоистическими побужденіями и косность окружающей его среды. Но не смотря на это пессимизмъ не можетъ почерпать отсюда доказательствъ для оправданія своихъ безотрадныхъ выводовъ: онъ не можетъ утверждать, что человѣчество все больше и больше склоняется на путь зла, что это послѣднее будто бы все больше и больше усиливается и умножается въ общей міровой жизни.—Правда, зло окружаетъ человѣка со всѣхъ сторонъ, на каждомъ шагу онъ встрѣчаетъ препятствія въ своемъ прогрессивномъ движеніи по пути добра, а въ немъ самомъ, не смотря на поразительные успѣхи въ общей культурной жизни, много еще гнѣздится, какъ мы видѣли, унаслѣдованной имъ отъ прежнихъ временъ грубости и варварства,—и при всемъ томъ нельзя не видѣть успѣховъ человѣческаго генія и на этомъ пути. Мы видимъ, что средства борьбы со зломъ постепенно усовершенствуются путемъ воспитанія, законодательства, пробужденія праваго сознанія и чувства справедливости, состраданія и гуманности, и такимъ образомъ, благодаря напряженной борьбѣ человѣка со зломъ, вызываются къ жизни и получаютъ развитіе разнаго рода добродѣтели, которыя ранѣе таились въ душѣ человѣка какъ бы въ скрытой, покоящейся формѣ. Самое зло, благодаря успѣхамъ просвѣщенія, становится сознательнѣе, рельефнѣе и его дѣйствія острѣе и болѣзненнѣе отзываются на болѣе утонченной организаціи современнаго культурнаго человѣка, такъ что нерѣдко то, что прежде и не ощущалось какъ зло, и съ чѣмъ человѣкъ безсознательно мирится, не чувствуя ни малѣйшаго вреда отъ этого, при настоящихъ культурныхъ условіяхъ считается уже невозможнымъ и подлежащимъ непремѣнному и немедленному искорененію. Нѣтъ, слѣдовательно, особенныхъ причинъ впадать въ безнадежный пессимизмъ: какъ ни скромны успѣхи человѣка въ дѣлѣ осуществленія идеаловъ добра, все же онъ и въ этомъ отношеніи можетъ рассчитывать на лучшее будущее, тѣмъ болѣе, что и само зло, какъ нѣчто по природѣ своей эгонистичное и самоизолирующееся, является слабымъ и без-

сильнымъ и въ самомъ себѣ носитъ зародышъ собственнаго уничтоженія; добро же, напротивъ того, есть начало здоровое и сильное, оказывающееся въ борьбѣ за существованіе болѣе устойчивымъ, и ему поэтому принадлежитъ побѣда.

Если идеаль истины возбуждаетъ въ человѣкѣ стремленіе познать все, подлежащее его сознанію, а идеаль добра побуждаетъ его ограничивать сферу существующаго въ мірѣ зла и расширять, елико возможно, область добра для безпрепятственнаго господства послѣдняго въ сферѣ человѣческихъ отношеній; то идеаль *прекраснаго* нудитъ человѣка искать вездѣ и во всемъ красоту и выражать ее въ разнообразныхъ художественныхъ формахъ искусства. И видитъ человѣкъ прекрасное разлитымъ во всѣхъ явленіяхъ природы, и весь міръ представляется ему цѣлымъ, полнымъ невыразимаго порядка, гармоніи и красоты. И не только видимая природа, которую поэтъ называетъ хотя и прекрасною, но въ то же время и „равнодушною“, которая, будучи подчинена механическимъ законамъ, безучастно относится къ людскимъ радостямъ и страданіямъ, но еще болѣе природа невидимая, выражающаяся въ нравственной дѣятельности человѣка, составляетъ для художника неисчерпаемый источникъ для художественныхъ вдохновеній.—Новая школа художниковъ отвергаетъ этотъ высшій видъ красоты и полагаетъ, что искусство можетъ совершенно обойтись безъ этического принципа, что добродѣтель и искусство не имѣютъ между собою ничего общаго, что первая составляетъ только достояніе „морально-педагогическихъ сентенцій“; но одинъ изъ нашихъ современныхъ критиковъ справедливо считаетъ такой взглядъ на искусство ужаснымъ заблужденіемъ. „Всѣ великія произведенія искусства, говоритъ онъ, находятся въ самой тѣсной и неразрывной связи съ законами нравственности. Возьмемъ ли древній міръ, средніе вѣка, эпоху возрожденія, XVIII и XIX вѣка, вездѣ и всюду мы увидимъ, что нравственный міръ человѣка составляетъ ту почву, на которой вырастаютъ великія произведенія искусства. Не была ли готовность жертвовать собою на пользу государству, чувство самоотреченія, самоотверженнаго служенія обществу тѣмъ нервомъ, который далъ жизнь античной красотѣ съ ея мифологическими, т. е. религіозными сюжетами? Надо ли указывать, что искусство среднихъ вѣковъ было основано

на религіозномъ чувствѣ?... Надо ли указывать, что эпоха возрожденія съ ея безсмертными, художественными произведеніями была выраженіемъ борьбы, которую велъ человѣкъ за свободу своего духа и нравственной своей личности? Стоитъ ли выяснять, что и новое искусство находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣми общественными и политическими движеніями, которыя пережила Европа въ XVIII и XIX вв.? А вѣдь общественныя и политическія движенія тоже въ значительной степени основаны на нравственномъ законѣ. на томъ, что человѣкъ признаетъ справедливымъ въ обществѣ и государствахъ“ (г. Сементковскій).

Такимъ образомъ идеаль красоты содержаніемъ своимъ имѣетъ тѣже идеи истины и добра, но только осуществляется онъ въ особенныхъ художественныхъ формахъ искусства. Прекрасное не можетъ не быть въ тоже время *истиннымъ* и *добрымъ*, и въ свою очередь *истинное* и *доброе* находится въ кровномъ родствѣ съ прекраснымъ.

VII.

Вотъ что составляетъ содержаніе иной, высшей дѣйствительности, что скрывается въ глубинахъ нашего духа въ формѣ только что раскрытыхъ нами идеаловъ и что стремится къ осуществленію въ окружающей насъ внѣшней дѣйствительности, нарушая ея состояніе безмятежнаго равнодушія, производя въ ней броженіе таящихся въ ней силъ и вызывая въ ней безотчетное стремленіе къ совершенствованію.

И рвется все въ божественной отвагѣ

Себя перерости.

Стремится прахъ земной къ небесной влагѣ.

Чтобъ раемъ расцвѣсти.

Поэтому нельзя смотрѣть и на внѣшнюю дѣйствительность какъ на нѣчто абсолютно косное, на столько преисполненное зла и не правды, что оно лишено всякой способности воспринимать и усвоить впечатлѣнія инаго высшаго порядка, какъ это утверждаетъ пессимистическая теорія, и роль человѣка на землѣ заключается не въ томъ, чтобы направить свою дѣятельность къ истребленію и уничтоженію всего существующаго, не исключая и своего мыслящего я, по скольку и

оно принадлежитъ также къ предметамъ той же ненавистной дѣйствительности. По нашему христіанскому міровоззрѣнію, все, вышедшее изъ рукъ Творца и слѣдовательно вся внѣшняя природа, *добро зѣло*. Если же мы видимъ ее исполненною зла и бѣдствія, то виною этого является самъ человѣкъ, и отъ его воли зависитъ также уменьшеніе и совершенное прекращеніе этого зла. Пока человѣкъ находится въ неразрывной связи съ внѣшнею природою, его собственное самоусовершенствованіе можетъ совершаться только при посредствѣ самой этой природы, улучшая ее и дѣлая ее болѣе способной содѣйствовать ему въ достиженіи задуманныхъ имъ высшихъ цѣлей. Трудна эта задача, но въ рѣшеніи ея заключается главная и высшая миссія человека и вмѣстѣ цѣль его собственного бытія; усовершенствуя себя онъ долженъ возводить къ совершенству вмѣстѣ съ собою и все, его окружающее. Таково именно свойство идеаловъ, коренящихся въ душѣ человѣка; они не могутъ оставаться въ немъ какимъ-то покоящимся, неподвижнымъ, мертвымъ матеріаломъ, но представляютъ собою живую силу, стремящуюся къ воплощенію себя въ соотвѣтствующихъ имъ формахъ и побуждающую человека къ извѣстнаго рода дѣятельности. Поэтому положеніе человека было бы въ высшей степени печальнымъ, если бы онъ, чувствуя въ себѣ запросы высшаго порядка и неудержимо стремясь къ ихъ практическому разрѣшенію, встрѣчалъ всюду неодолимые препятствія со стороны той же самой внѣшней дѣйствительности, съ которою онъ связанъ неразрывными узами и посредствомъ которой онъ только и можетъ достигать высшихъ цѣлей своего собственного самоусовершенствованія. Но, какъ мы видѣли, и откровенное ученіе и вся исторія человечества ясно говорятъ намъ, что какъ ни жалка наша внѣшняя дѣйствительность, все же она не лишена способности къ воспріятію въ себя началъ истины и добра и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ возможность къ измѣненію, преобразованію и улучшенію, и это подаетъ человеку надежду на свѣтлое будущее.

Никогда только не нужно забывать человеку, что въ дѣлѣ достиженія своихъ идеальныхъ стремленій отъ него потребуются много самыхъ усиленныхъ трудовъ, великаго самоотверженія и терпѣнія, непоколебимой вѣры въ свои силы,

готовности безстрашно посмотреть въ глаза всякой случайности. Только способную и готовую на все это личность мы можемъ назвать истиннымъ идеалистомъ, а не простымъ мечтателемъ. По слову поэта „всѣмъ намъ суждены благіе порывы“, но далеко не все мы способны осуществить ихъ на дѣлѣ. И въ особенности этимъ недугомъ страдаемъ мы русскіе. Наша литература создала въ этомъ родѣ множество типовъ, прямо выхваченныхъ изъ жизни. Вспомнимъ только Онѣгина, Рудина, Тентетникова, Райскаго и во главѣ ихъ Илью Ильича Обломова. Въ какомъ кровномъ родствѣ стоятъ они большинству изъ насъ!.... Всѣ субъекты подобнаго типа строятъ часто широкіе планы, одушевлены возвышенными идеями, но послѣднія при первомъ соприкосновеніи въ реальною дѣйствительностію, разлетаются какъ мыльные пузыри, вслѣдствіе того, что сами творцы ихъ не обладаютъ надлежащею твердостію характера, рѣшимостію и настойчивостію въ неизбежной борьбѣ со всякаго рода препятствіями, одинъ призракъ которыхъ обыкновенно пугаетъ ихъ разстроенное различными страхами воображеніе.

Не таковы истинные идеалисты. Будетъ ли то властный администраторъ, дипломатъ, философъ, художникъ, поэтъ, общественный дѣятель, или скромный сельскій учитель и т. д.,—всѣ они отличаются прежде всего благоговѣйнымъ вниманіемъ къ одушевляющей ихъ идеѣ, которую они поэтому охраняютъ отъ всякаго нечистоплотнаго прикосновенія къ ней, а затѣмъ—пропикинуты горячимъ желаніемъ дать жизнь своей идеѣ, сообщить ей плоть и кровь путемъ широкаго распространенія ея въ окружающей дѣйствительности. Для достиженія послѣдней цѣли они жертвуютъ всѣми силами своей души, не щадятъ своихъ матеріальныхъ средствъ, доходя въ этомъ случаѣ до положительнаго общища; со стороны властныхъ лицъ терпятъ гоненія и всякую неправду, со стороны своихъ ближнихъ встрѣчаютъ холодность, зависть, насмѣшки, разнаго рода оскорбленія и оплеванія и т. под.: ихъ зовутъ въ лучшемъ случаѣ чудаками, маніаками, идіотами, подходящее мѣстопробываніе которымъ—желтый домъ ¹⁾ но часто они слынутъ за беспокойныхъ, вредныхъ людей, которыхъ нужно укротить репрессивными

¹⁾ Вспомнимъ напр. доктора Гааза въ изображеніи Кони.

мѣрами. И не смотря на все это идеалистъ не падаетъ духомъ,—онъ вѣритъ въ торжествующую силу добра и до послѣдней минуты своей жизни не перестаетъ быть неустаннымъ борцомъ за свою идею. И если мы видимъ, что правда и добро, хотя и медленно, но все же завоевываютъ себѣ право гражданства въ жизни человѣчества, то послѣднее этимъ обязано идеалистамъ—этимъ беззавѣтнымъ борцамъ за идею.

Нужно только, чтобы эта идея по существу своему была возвышенна и свободна отъ всякаго узко-утилитарнаго элемента. Желѣзные канцлеры могутъ быть людьми гениальными, по своему положенію стоять во главѣ широкой общественной и политической дѣятельности, сосредоточить въ своей власти всѣ средства для проведенія своихъ идей, и тѣмъ не менѣе, не смотря на всю широту и кипучесть своей дѣятельности, стойкость и прямолинейность своего характера, они никогда не будутъ содѣйствовать настоящему нравственному прогрессу, никогда не завоюютъ себѣ благодарныхъ воспоминаній у своего потомства, хотя бы современники еще и при жизни ихъ воздвигали имъ памятники. И это потому, что самый принципъ дѣятельности желѣзныхъ канцлеровъ отличается узко-утилитарнымъ характеромъ,—при чемъ для проведенія этого принципа они не брезгаютъ никакими средствами въ родѣ, напр., лжи, обмана или кулачнаго права. И напротивъ, такія высокія личности, какъ, напр., Гладстонъ, всю жизнь свою боровшіяся за свободу и права человѣка, не обращая вниманіе на различія религіозныя и національныя, всегда будутъ свѣтить человѣчеству какъ яркіе маяки, указующіе ему, куда должно быть направлено его прогрессивное шествіе, куда должны быть устремлены его чаянія и надежды.

VIII.

Когда человѣкъ дѣйствуетъ во имя идеаловъ истины и добра, то послѣдніе одухотворяютъ его дѣятельность и сообщаютъ ей особаго рода религіозный характеръ, такъ что истинный идеалистъ, по самому существу и характеру своей дѣятельности, можетъ быть названъ въ настоящемъ смыслѣ слова благочестивымъ человѣкомъ. И это необходимо такъ

и должно быть. Ибо откуда являются въ насъ эти идеалы истиннаго, добраго и прекраснаго? Мы знаемъ, что никакая мораль,—какого бы не была она возвышеннаго характера,—если она будетъ построена на однихъ только эмпирическихъ данныхъ, не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ она будетъ имѣть дѣло съ вещами условными и конечными, и между тѣмъ идеалы внушаютъ намъ мысль о безконечномъ и безусловномъ. Болѣе логическое и болѣе сообразное съ существомъ дѣла рѣшеніе состоитъ въ томъ, что они—естественное слѣдствіе воздѣйствія на насъ особаго творческаго акта, призавшаго человѣка къ бытію и сообщившаго его душѣ богоподобныя свойства. Поэтому, какъ растеніе стремится къ свѣту, такъ и богоподобная душа человѣка — къ своему Первообразу. Идеалы, таящіеся въ глубинѣ души человѣка, напоминаютъ ему о его высшемъ сравнительно съ прочими тварями происхожденіи и говорятъ ему о его Создателѣ. Поэтому-то люди, которые живутъ идеалами, отличаются бозукоризненною чистотою въ своей практической дѣятельности, одухотворяютъ ее и сообщаютъ ей характеръ истиннаго благочестія; поэтому-то они, если не логикой своего разсудка, то логикой своего сердца, склонны быть людьми исполнѣ религіозными, желая свои чаянія и надежды воплотить въ высшемъ, живомъ реальномъ Существоѣ. Сократъ, этотъ представитель древняго пракческаго идеализма, въ продолженіе всей своей жизни отличавшійся непоколебимою вѣрностію своимъ нравственнымъ принципамъ, въ тоже время былъ проникнутъ искреннимъ благочестіемъ и преданностію своей отечественной религіи, хотя онъ и далеко возвышался надъ нею своимъ умозрѣніемъ, которое путемъ анализа свойствъ человѣческой души дало ему вѣру въ высшей загробный міръ; и эту вѣру онъ запечатлѣлъ своею смертію. Но особенно ясно мы видимъ это на одномъ изъ представителей новой философіи, Спинозѣ. Паутиенъ по своимъ теоретическимъ философскимъ воззрѣніямъ, которыя логически вели его къ отрицанію личности абсолютнаго существа, и слѣд., нѣкотораго рода безбожію, Спиноза тѣмъ не менѣе былъ истиннымъ идеалистомъ въ своей практической жизни. И вотъ, не смотря на свой теоретическій нигилизмъ, онъ, какъ сообщаютъ нѣкоторые его біографы, удалялся молиться нѣкому Духу. Это значитъ, что по интим-

нымъ требованіямъ своего сердца, Спиноза-идеалистъ чувствуетъ нужду въ общеніи съ *личнымъ* высшимъ Существомъ; потому что съ молитвою можно обращаться только къ личности ¹⁾. Не значить ли это, что логика сердца, наперекоръ всѣмъ разсудочнымъ убѣжденіямъ, нудить человѣка, живущаго идеалами, признать существованіе наивысшаго абсолютнаго идеала, долженствующаго быть причиною и источникомъ всѣхъ прочихъ идеаловъ? Вотъ почему, думаемъ мы жизнь и практическая дѣятельность истинныхъ идеалистовъ запечатлѣна особымъ характеромъ благочестія и религіозности, хотя бы они казались индифферентными къ господствующимъ вѣроисповѣднымъ формамъ. Вотъ почему, думаемъ мы далѣе, предъ очами нелицепріятнаго Судіи, вѣдущаго всѣ тайныя побужденія человѣческихъ дѣйствій „во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ, пріятель Ему“, къ каковому выводу пришелъ апостоль Петръ по поводу обстоятельствъ обращенія въ христіанство Корнилія сотника (Дѣян. 10, 34—35). Вотъ почему наконецъ и религіозный повидимому человѣкъ, но безъ идеаловъ истины и добра въ душѣ, безъ живаго и дѣятельнаго приложенія ихъ къ жизни, можетъ и не быть въ истинномъ смыслѣ религіознымъ человѣкомъ. Совершеннѣйшій, абсолютный идеаль есть Богъ, Который, по слову апостола, есть *любы*. Сообщая этотъ характеръ любви всѣмъ прочимъ, вытекаю-

1) „Царь атеистовъ“, какъ по недоразумѣнію любили называть Спинозу, оставался въ теченіе всей своей жизни глубоко религіознымъ человѣкомъ онъ искренно возмущается, когда его называютъ атеистомъ (Павленкова Жизнь замѣчат. людей Спиноза Стран 16) „Я предпочитаю чтить Бога съ этимъ такъ называемымъ атеистомъ“, говоритъ Гете (тамъ же, стр. 75). Якоби, лично не сочувствовавшій взглядамъ Спинозы, причисляетъ его къ лику святыхъ: „Да будешь благословенъ ты,—воскликаетъ онъ,—великій, святой Бенедиктъ! Каковы бы ни были твои взгляды на природу Высшаго существа, какъ бы ты ни заблуждался на словахъ, истина Его была въ твоей душѣ и любовь къ Нему была твоя жизнь“ (Тамъ же стр. 75) Съ подобнымъ же увлеченіемъ великій протестантскій богословъ Шлейермахеръ приглашаетъ „принести жертву тѣни святаго, отверженнаго Спинозы! Его проникалъ великій міровой духъ, вселенная была его единственной и вѣчной любовью; онъ былъ полонъ религіи и святаго духа, и потому стоитъ онъ—одинокій и недосягаемый—высоко надъ цехомъ ученыхъ, безъ послѣдователей и безъ права гражданства.“ (стр. 76)

шимъ изъ него идеаламъ, высшій абсолютный идеалъ требуетъ отъ человѣка первѣе всего руководствоваться въ своей жизни этимъ закономъ любви, безъ которой всякая дѣятельность, даже самаго высшаго порядка, по слову апостола, есть ничто. „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звѣнящая, или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю,—нѣтъ мнѣ и въ томъ никакой пользы (1 Кор. 13, 1—3). Поэтому-то и богопочтеніе, имѣющее узкій исключительный характеръ, не пріятно Богу: „Къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ? говоритъ Господь чрезъ пророка Исаію сынамъ израилевымъ. Я пресыщенъ всесоженіями овновъ и тукомъ откормленнаго скота, и крови тельцовъ и агнцевъ и козловъ не хочу. Когда вы приходите являться предъ лице Мое, кто требуетъ отъ васъ, чтобы вы топтали дворы Мои? не носите больше даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно для меня; новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть: беззаконіе—и празднованіе! Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя: опи—бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю отъ васъ очи Мои; и когда вы умножаете моленія ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь; очиститесь; удалите злыя дѣла отъ очей Моихъ; перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову (Ис. 1, 11—16).

IX.

Всѣ предыдущія наши разсужденія съ логическою необходимостію ведутъ насъ къ признанію, что высшій и совершеннѣшій идеалъ раскрывается для насъ въ христіанскомъ ученіи, Основатель котораго въ отношеніи нравственнаго самоусовершенствованія человѣка поставилъ такую высокую цѣль: „будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“.

Можетъ быть, скажутъ: конечно, этотъ идеаль высокъ; но достижимъ ли онъ? Можно ли кому нибудь и когда нибудь достигнуть совершенства Отца небеснаго? А если этого никогда не можетъ быть, то не теряется ли практическое значеніе поставленнаго идеала, и не является ли послѣдній простою абстракцію, лишенною всякаго значенія для живой дѣйствительности?

На это прежде всего замѣтимъ, что не высокой пробы тотъ идеаль, до котораго легко можно достать рукой. Можетъ быть онъ и будетъ практиченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не долговѣченъ. Нынѣ онъ годенъ для человѣка, а завтра послѣдній можетъ перерости его, такъ что онъ ему будетъ не въ пору. Это обыкновенно и случается со всѣми человѣческими созданіями, на первый разъ являющимися своего рода совершенствомъ, которое однако же скоро утрачиваетъ свой первоначальный ореолъ, такъ какъ перестаетъ отвѣчать нарождающимся вновь потребностямъ. Такая непрочная доля всякихъ человѣческихъ созданій, даже самыхъ совершенныхъ, зависитъ отъ того, что не дано человѣку своимъ умственнымъ взоромъ обнять всѣ существующія условія переходящихъ явленій бытія и въ перспективѣ провидѣть всѣ слѣдствія и новыя условія, какія могутъ возникнуть изъ его созданій. Обыкновенно онъ обращаетъ вниманіе на одни стороны жизни, но упускаетъ изъ вида другія,—оттого все, что является дѣломъ рукъ человѣческихъ, постоянно страдаетъ извѣстнаго рода односторонностію, а вслѣдствіе этого и недолговѣчностію; оттого только тѣ человѣческія созданія отличаются нѣкоторою устойчивостію, которыя вышли изъ рукъ генія, одареннаго сравнительно съ своими современниками большею способностію уловить связь и причины существующихъ явленій и проникнуть въ туманную даль будущаго дальнѣйшаго ихъ развитія.

Не то-христіанскій нравственный идеаль. Поставляя конечною цѣлію дѣятельности человѣка достиженіе нравственнаго совершенства абсолютнаго существа, христіанскій идеаль прежде всего отвѣчаетъ существующей въ человѣкѣ идеѣ безконечнаго совершенства. А такъ какъ эта идея есть самая существенная черта въ духовной жизни человѣка, господствующая надъ всѣми остальными сторонами человеческой природы, то отсюда вытекаетъ, что христіанскій

нравственный идеалъ отвѣчаетъ самой насущной потребности человѣческаго духа и потому имѣетъ для него глубочайшее жизненное значеніе. Не дано человѣку достигнуть полноты абсолютнаго совершенства, такъ какъ это несовмѣстимо съ его конечной природой, но за то при этомъ недосыгаемомъ идеалѣ онъ *не возжаждетъ во вѣки*, такъ какъ близъ него всегда будетъ находиться источникъ живой воды, котораго хватить навсегда, чтобы утолить его жаждущую душу. Представимъ нѣсколько образовъ для объясненія мысли жизненности христіанскаго идеала при его недосыгаемости для человѣка.—Высоко свѣтитъ надъ нами на небѣ ясная звѣздочка; ее не достанешь рукой; если вѣрить астрономамъ (а какъ же имъ не вѣрить?), то самый свѣтъ отъ нея, при всей быстротѣ его распространенія, достигаетъ до насъ иногда только чрезъ десятки, сотни лѣтъ,—такъ далеко отстоитъ отъ насъ эта свѣтящаяся на небѣ точка; и однако же она можетъ быть для насъ путеводною звѣздой: по ней мы можемъ знать, куда намъ направлять свой путь, по ней мы можемъ опредѣлить, гдѣ мы находимся, по ней значить мы можемъ въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ вполне ориентироваться. Или еще: идеалъ—какъ райская птичка,—чаруетъ она человѣка своими, но для него родными, звуками и пѣснями, манитъ его къ себѣ,—и онъ спѣшитъ на ся пѣніе и хочетъ поймать ее; но птичка перелетаетъ на другое мѣсто и снова манитъ къ себѣ слушателя, очаровывая его новыми мелодіями; снова тянется къ ней слушатель, а она опять улетаетъ все дальше и дальше, все выше и выше, увлекая и поднимая вмѣстѣ съ собой и своего очарованнаго слушателя.

Но можетъ быть, мы съ вами залетѣли ужъ очень высоко, и моя рѣчь стала отзываться сказочнымъ, фантастическимъ характеромъ. Спустимся же на минуту опять въ нашу жалкую, прозаичную дѣйствительность. 12 Августа прошлаго года наша святая Русь осчастливлена была прилетомъ дѣйствительно одной изъ „райскихъ птицъ“, которая съ высоты царскаго престола весь міръ огласила своей чудной пѣсней свободы,—свободы отъ ига милитаризма, подъ бременемъ котораго теперь изнываетъ страждущее человѣчество. И жадно слушаетъ оно эту восхитительную, чарующую пѣснь всечеловѣческой любви, пѣснь о мирѣ всего міра. И то, что

прежде думалось только въ тиши кабинетовъ ученыхъ и отдѣльныхъ гуманныхъ мыслителей, теперь стало предметомъ громкаго говора людей всего міра. Не значить ли это, что идеалы завоевываютъ себѣ все большія и большія права гражданства въ нашей дѣйствительности? Не значить ли это, что христіанскій идеаль безконечной, безграничной любви и абсолютнаго совершенства—не праздная мечта, не мертвая доктрина, но живая дѣятельная сила, постепенно пробивающая себѣ путь въ нашей печальной дѣйствительности, расширяющая узкіе горизонты нашего сознанія и внушающая намъ вѣру въ дѣйствительное наступленіе того, не поддающагося никакимъ человѣческимъ вычисленіямъ, великаго момента, когда, по слову апостола, „будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 28).

С. Левитскій.
